
Натали Симоно
Роман " Я любила дьявола "
Книга 2
18+

Натали Симоно

Роман " Я любила дьявола " Книга 2

«Автор»
2026

Симоно Н.

Роман " Я любила дьявола " Книга 2 / Н. Симоно — «Автор», 2026

В семь лет Марина умерла от пневмонии — и вернулась. Врачи назвали это чудом. Она не рассказала о холодной руке, легшей ей на лоб в больничной палате, и о голосе: «Ещё не время, маленькая».Забыла на одиннадцать лет.В восемнадцать на диком пляже она встретила его. Он вышел из тумана, говорил о звёздах с забытыми именами — и оставил на ладони след. Пять полос, пульсирующих в такт сердцу.Он показывает ей рай без времени, открывает три желания. Утром она не помнит голос матери.Он проводит её через всю свою историю — от сотворения мира до распятия Христа. Она проходит путь от сосуда для чужой памяти до женщины, которая смешивает с ним кровь. Она видит нити, за которые можно дёргать. Люцифер — не искуситель, а зеркало её боли. Когда архангел предлагает забвение, она выбирает рану и память.Мрачная готика с советским бытом — о любви к тьме как способе обрести целостность. Для любителей Булгакова и Стокера, но без розовых очков.

© Симоно Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава четвертая. 6
Пустота вместо голоса 6
Глава пятая. 10
Мир в подарок 10
Глава шестая. 15
Свидетель Вечности 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Натали Симоно
Роман " Я любила дьявола " Книга 2

Глава четвертая.

Пустота вместо голоса

Декабрь в том году выдался злым и долгим, словно кто-то в небесной канцелярии забыл перевернуть календарь, и время застыло в серой, мокрой вате тумана. Снег валил стеной, забивался в воротники, хрустел под ногами, как битое стекло, и город казался вымершим — закутанным в саван из мокрой пыли и сумерек. В институтском общежитии батареи грели еле-еле, Марина спала в свитере и шерстяных носках, а по утрам воду приходилось греть в чайнике, потому что горячую отключали с вечера, и краны плевались ржавой, пахнущей железом жижей.

Он не приходил две недели.

Марина ждала. Сначала каждую ночь, вслушиваясь в скрип половиц и шорох ветра за окном, который казался ей шагами. Потом через ночь. Потом перестала считать дни, просто отмечая пропуски в календаре красным карандашом, который Катя оставила на столе. Красные крестики выглядели как маленькие раны на белом листе. Она не злилась и не обижалась. Просто смотрела на своё отражение в тёмном окне и думала: если он придёт, она уже знает, что спросит. Если не придёт — что ж, у неё есть его след на ладони, и этого достаточно, чтобы чувствовать себя живой.

Но внутри рос холодный ком страха. Не перед ним. Перед той пустотой, которая расползалась в её голове, как чернила по воде, размывая контуры прошлого.

Она пробовала вспоминать. Пыталась вызвать в памяти запах маминых духов «Красная Москва», сладкий и тяжёлый, с нотками гвоздики и старой пудры. Запах был. А ощущения нет. Будто кто-то вынул из флакона саму суть, оставив только стеклянную оболочку. Пыталась вспомнить лицо отца, когда он смеялся над её детскими рисунками. Лицо было чётким, как на фотографии в альбоме, но эмоция — та самая, тёплая волна гордости и любви, от которой становилось легко на душе, отсутствовала. Будто кто-то взял скальпель и вырезал из плёнки все кадры, где были чувства, оставив только сухую, плоскую картинку.

Марина начала бояться спать. Ей казалось, что во сне он приходит снова и забирает ещё что-то. Кусочек детства. Улыбку подруги. Вкус первого мороженого. Она лежала с открытыми глазами, слушая, как храпит Катя за перегородкой, и считала трещины на потолке, чтобы не уснуть. Чтобы не дать ему войти через сны.

Но он вошёл не через сон.

Он пришёл в ночь на пятнадцатое декабря, ровно в полночь. Часы на стене хрипло пробили двенадцать раз, и последний удар повис в воздухе, не затихая, а растягиваясь, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Марина лежала на кровати, укрывшись с головой, когда почувствовала, что в комнате стало тепло. Не так, как от батареи, которая едва теплилась в углу, а по-другому — густо, тяжело, как будто кто-то открыл невидимую дверь в лето. Пахнуло морем. Солёным, тёплым, тем самым, который она уже начала забывать, но который теперь вызывал у неё не радость, а тревогу.

Она сбросила одеяло.

Он стоял посреди комнаты. Чёрный фрак, цилиндр в руке, бледное лицо в полутьме, при свете луны, пробившейся сквозь занавеску, оно казалось высеченным из мрамора древнего храма. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое. Не голод. Не тоска. Что-то более глубокое и опасное. Спокойствие хищника, который знает, что добыча уже никуда не денется, потому что клетка захлопнулась сама собой.

— Привет, — сказал он.

Голос был низким, бархатным, с той хрипотцой, которая бывает у людей, слишком долго молчавших. Или слишком много кричавших в пустоту.

— Привет, — ответила Марина.

Голос её звучал глухо, чужой, будто доносился из колодца. Она села на кровати, подтянув колени к груди, чувствуя себя маленькой и беззащитной, хотя ей было восемнадцать и она училась на врача. — Почему я не помню мамин голос?

Он не удивился. Он даже не дрогнул. Просто медленно подошёл к окну и посмотрел на падающий снег. Снежинки кружились в свете фонаря, как белые мухи, бьющиеся о стекло в тщетной попытке найти тепло.

— Память — это не архив, Марина, — сказал он тихо, не оборачиваясь.

— Это живая ткань. И когда в эту ткань вплетается нечто большее, нити старого узора могут распуститься. Чтобы вместить новое, нужно освободить место.

— Освободить место? — переспросила она, и в голосе её зазвенела сталь, тонкая и ломкая, как лёд на луже.

— Для чего? Для тебя?

Он обернулся. Улыбнулся — чуть заметно, одними губами. И протянул руку. Ладонь открытая, пальцы длинные, бледные. Те самые, что оставили след.

— Для истины, — сказал он.

— Подойди.

Марина не двинулась. Сердце колотилось так, что болело в горле, мешая дышать.

— Нет. Сначала ответь. Кто ты?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и липкий, как паутина. Комната вдруг стала тесной. Воздух загустел, стал вязким, трудно дышать, будто кислорода стало меньше.

Мужчина замер. Его рука медленно опустилась. В его глазах мелькнула тень — не досады, а какой-то древней, бесконечной усталости. Он посмотрел на неё так, как смотрят на ребёнка, который наконец-то задал вопрос, ответа на который он боялся всю жизнь.

— Ты действительно хочешь знать? — спросил он.

— Имя имеет силу, Марина. Назвав меня, ты привяжешь себя ко мне сильнее, чем любой контракт, сильнее, чем тот след на твоей руке.

— Я уже привязана, — горько усмехнулась она, показывая ему ладонь. След пульсировал, тёплый и живой, в такт её сердцу.

— Я уже потеряла часть себя. Так скажи мне. Кто ты? Тот, кто крадёт воспоминания? Тот, кто играет человеческими душами, как куклами?

Он сделал шаг к ней. И мир вокруг сузился до расстояния между ними.

— У меня много имён, — произнёс он, и голос его стал глухим, словно доносящимся из глубокого колодца.

— В книгах, которые ты читала, меня называют Дьяволом. Сатаной. Когда я падал с небес, меня звали Люцифер — Светоносный. На Востоке я — Иблис. В древних свитках — Левиафан, Белиал, Князь Тьмы.

Марина почувствовала, как земля уходит из-под ног. Не буквально — пол был на месте, линолеум холодный и шершавый. Но внутри всё опрокинулось. Сердце пропустило удар, затем заколотилось так сильно, что больно стало в висках.

— Люцифер... — прошептала она. Слово казалось ей одновременно чужим и пугающе знакомым. Как слово, которое она знала во сне, но забыла при пробуждении.

— Я — тот, кто был до света, — продолжал он, подходя ближе. Теперь он был совсем рядом, и она чувствовала запах озона и старой пыли, исходящий от его одежды.

— Я — падший ангел, бунтарь, искуситель. Я — Дьявол. Я — Люцифер. Это я, Марина.

Страх должен был парализовать её. Должен был заставить бежать, кричать, звать на помощь, разбудить Катю. Но вместо этого внутри неё поднялась странная волна узнавания.

Будто ключ наконец-то повернулся в замке, который она даже не знала, что носит в себе. Будто все её страхи, все её сны, всё то необъяснимое тяготение к нему обрели имя.

— Я знаю, — прошептала она, и по щеке скатилась слеза. Горячая, живая.

— Я знала это с той самой ночи. С того самого поцелуя.

— Ты не боишься меня? — спросил он, и в его голосе прозвучала неуверенность. Впервые за всё время. Маска вечного спокойствия треснула, и за ней мелькнуло что-то человеческое. Тревога?

Марина посмотрела на него. На его бледное лицо, на тёмные глаза, в которых отражалась вся боль мира. На след на своей ладони, который горел огнём.

— Я боюсь не тебя, — ответила она, и голос её окреп, стал твёрдым, как камень.

— Я боюсь мира, в котором нет тебя. Я боюсь этой пустоты внутри.

Что-то сломалось в его взгляде. Последняя преграда рухнула. Он тяжело выдохнул, уткнулся лбом в её лоб. Его кожа была холодной, как лёд, но дыхание горячим, обжигающим.

— Ты только что подписала свой приговор, моя маленькая смертная, — прошептал он.

— Но я клянусь самой тьмой, что буду беречь тебя.

— Беречь?

Марина отстранилась, глядя ему в глаза. В них теперь не было тайны. Только оголённая, сырая правда.

— Или использовать? Почему я теряю память? Почему я чувствую, что становлюсь чужой самой себе? Почему мамин голос исчез?

Люцифер выпрямился. В его глазах снова появилась та самая древняя печаль, которую она видела в изумрудном раю.

— Потому что ты несёшь в себе осколок, — сказал он тихо.

— Осколок души той, которую я любил больше всего на свете. Той, которую я убил, чтобы сохранить. И этот осколок... он требует места. Он вытесняет твоё прошлое, чтобы заполнить его моим настоящим. Ты — сосуд, Марина. Но не пустой. Наполненный эхом.

Марина замерла. Слова падали на неё, как камни.

— Я... сосуд?

— Ты — дверь, — поправил он.

— И ключ у тебя. Но пока осколок живёт в тебе, ты принадлежишь мне. Не потому что я так хочу. А потому что таков закон. Закон равновесия. Что-то должно уйти, чтобы пришло другое.

Он протянул руку и коснулся её щеки. На этот раз его прикосновение не обожгло током. Оно было просто холодным. Тяжёлым. Как печать.

— Прими это, Марина. Или беги. Но если останешься — знай: пути назад нет. Ты выбрала летать. Ты выбрала совершенство. Ты выбрала любовь. И цена этому — твоё «я».

Марина посмотрела на свою ладонь. След горел огнём. И где-то в глубине сознания, там, где раньше жил голос мамы, теперь звучал другой голос. Низкий. Бархатный. С хрипотцой.

«Ты моя».

И она поняла, что не хочет бежать. Не может. Потому что без него эта пустота внутри станет невыносимой. Лучше быть наполненной его тьмой, чем собственной пустотой.

— Я остаюсь, — сказала она.

Он улыбнулся. На этот раз улыбка была настоящей. Грустной и красивой.

— Тогда спи, — сказал он. — Завтра будет новый день. И новая ночь.

И он исчез. Растворился в тени угла, как будто его и не было. Только запах моря остался висеть в воздухе, смешиваясь с запахом пыли и старого одеяла.

Марина осталась одна. Она сидела на кровати, дрожа всем телом. И впервые за всё время она поняла: она не просто влюблена. Она в ловушке. Ловушке, которую построил не он. А она сама. Своим желанием.

За окном выл ветер, и снег бился в стекло, как моль в лампу. А внутри неё, в самой глубине, тихо звенел осколок.

Глава пятая.

Мир в подарок

Прошло два дня. Два длинных тягучих дня, похожие один на другой, как две капли г воды из-под крана. Катя уехала к родителям в соседний город помогать матери клеить обои на кухне, и комната опустела. Стало тихо. Так тихо, что Марина слышала, как гудит лампа на столе и как скрипит рассохшаяся рама окна от ветра, жалуясь на сквозняк.

Подработок в больнице не было, поскольку перед новогодними каникулами график сократили, и Марина осталась одна со своими мыслями и толстым учебником по патологической анатомии. Она сидела за столом, перечитывая одну и ту же страницу про некроз тканей, но буквы плясали перед глазами, сливаясь в серые бесформенные пятна.

Смысл ускользал. Слова казались чужими, набором звуков, лишённых содержания, будто кто-то вынул из них суть, оставив только оболочку. Она ждала. Не так, как раньше, с тревогой и страхом, сжимаясь в комок при каждом шорохе. А с каким-то странным болезненным нетерпением. Как ждут письма, которое может изменить всё или не прийти никогда. Как ждут приговора, который наконец-то поставит точку в бесконечном ожидании.

Он пришёл днём. Не ночью, когда тени длинные и мир спит, пряча свои тайны под покровом мрака. А днём, в самую серую беспросветную пору. За окном мело, небо было цвета мокрого асфальта, тяжёлое и низкое, давящее на крыши домов. Свет в комнате был тусклым, умирающим, желтоватым и больным.

Марина даже не вздрогнула. Просто почувствовала, как воздух стал плотнее, гуще. Как запах пыли и старой бумаги, въевшийся в шторы годами, сменился запахом озона и морской соли. Резким. Холодным. Живым.

Он стоял посреди комнаты. В чёрном фраке. Выглядел нелепо и величественно одновременно среди её учебных тетрадей, исписанных мелким почерком, и пустой чашки из-под чая с засохшим коричневым пятном на дне. Контраст был таким резким, что резало глаза. Будто кусок другой реальности, вырезанный ножницами и вклеенный в эту серую декорацию.

— Ты готовишься? — спросил он. Голос был тихим почти домашним. Бархатным.

— Пытаюсь, — ответила Марина закрывая книгу. Бумага шелестнула сухо ломко.

Сердце билось ровно. Страха не было. Было только чувство что наконец-то пазл сложился.

Люцифер улыбнулся. Улыбка была мягкой, без той насмешки, что бывала раньше. Без холода. В ней было что-то человеческое. Усталое. — Тогда у нас есть время, — сказал он.

— Время которого у нас обычно нет.

Он протянул руку. Ладонь открытая. Пальцы длинные, бледные. Те самые, что оставили след. — Идём.

— Куда? — спросила Марина. Хотя уже знала ответ. Чувствовала его кожей.

— Туда где времени нет, — ответил он.

Она вложила ладонь в его. И комната исчезла. Не померкла, не растворилась. А просто перестала быть. Будто кто-то щёлкнул пальцами, и декорации упали, обнажив то, что было за ними.

Она открыла глаза и увидела над собой не потолок общежития с жёлтым пятном от протекшей трубы, а небо. Глубокое, синее, вечернее. Такое чистое, что казалось стеклянным. С первыми звёздами, которые загорались одна за другой медленно, неохотно, как свечи в огромном пустом храме.

Под ней был песок. Тёплый. Мягкий. Золотистый. Он пах жасмином и ванилью. Запах был таким густым, сладким, дурманящим, что у Марины закружилась голова. Где-то рядом шумел океан. Тот самый бирюзовый, который она уже видела. Шум был ровным, глубоким, как дыхание спящего великана.

Они были в его мире.

Он стоял рядом, смотрел на неё. И в его взгляде не было той сдержанности, что раньше. Не было маски вечного спокойствия. Он смотрел на неё так, как смотрят на что-то, что сейчас заберут, если не удержать. Как на воду, которую пытаются удержать в ладонях.

— Я скучал, — сказал он просто. И в этих двух словах было больше, чем в любых длинных речах.

Марина хотела ответить что-то колкое. Что-то про то, что он мог прийти раньше. Про то, что она ждала. Но не смогла. Потому что он уже подошёл к ней вплотную, и его холодные ладони легли ей на талию.

И она почувствовала, как от этого прикосновения по всему телу разливается тепло. Не обычное тепло. А тяжёлое. Тягучее. Как мёд. Как расплавленный воск. Оно заполняло её изнутри, вытесняя холод, страх, пустоту. Заполняло каждую клетку. Каждую мысль.

— Я хочу тебя, — сказал он, и голос его был низким, вибрирующим. С той хрипотцой, которая бывает у людей, слишком долго кричавших в пустоту.

— Я хотел тебя с той первой ночи на берегу. Но тогда ты была слишком юной. Слишком чистой. А теперь...

Он провёл пальцем по её щеке. По шее. Вниз к ключице. Прикосновение было лёгким невесомым но оставляло след. Ощущение ожога.

— Теперь ты моя.

Она не ответила. Слов не было. Язык стал ватным, непослушным. Было только это: его холод. Его запах — озон, соль, старая пыль. Его руки, которые знали её тело лучше, чем она сама. Которые помнили каждый изгиб, каждую дрожь.

Он поднял её на руки легко, как пушинку. Как нечто хрупкое, что можно раздавить одним неверным движением. И понёс куда-то.

Марина не смотрела по сторонам. Она смотрела на него. На его лицо. На его глаза, в которых отражались звёзды и что-то ещё. Тёмное. Глубокое. Как бездна. И она понимала, что тонет. И не хотела спасаться.

Они оказались на ложе из шёлка и бархата. Не то в шатре, не то под открытым небом — она не разобрала. Границы стирались. Просто вокруг было мягко. Тепло. Пахло жасмином. А над ними было небо. И звёзды. И луна огромная оранжевая, та самая. Та, что висела над морем в ту первую ночь.

Он опустил её на шёлк. Ткань была прохладной скользкой живой. И навис над ней. И на мгновение замер. В его глазах была не только страсть. Была нежность. Та самая древняя бесконечная нежность от которой у неё всегда перехватывало дыхание.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Нет, — сказала она. И это было правдой. Страх остался там, в общежитии. В сером небе. В пустоте внутри. Здесь страха не было. Было только принятие.

Он поцеловал её. И это был не тот поцелуй, что на берегу. Не тот, что в изумрудном раю. Это был поцелуй, который забирал всё. Он целовал её так, словно хотел выпить её до дна. Растворить в себе. Сохранить навсегда. Его губы были холодными, как лёд. Но дыхание горячим. Обжигающим. И она отвечала ему. Не думая. Не спрашивая себя, правильно ли это. Правильно было только одно: быть с ним. Быть частью этого холода и этого огня.

Он снял с неё платье. Медленно. Не спеша. Как будто разворачивал подарок, который ждал тысячу лет. Как будто боялся повредить упаковку. И она не чувствовала стыда. Стыд был понятием из того мира. Из мира правил и запретов. Здесь правил не было. Было только

его взгляд. Его руки. Его холод. И своё собственное тепло, которое поднималось откуда-то из глубины. Как волна. Как прилив.

А потом он коснулся её. И мир перестал существовать.

Это было не просто прикосновение. Это было вторжение в самую суть. Его холод проникал в неё. Смешивался с её теплом. И от этого смешения рождался огонь. Не обычный огонь. А какой-то иной. Белый. Слепящий. Она выгибалась под ним. Царапала его спину. Кусала его плечо. Пытаясь доказать себе, что он реальный. Что это не сон. Что она не сошла с ума. А он был везде. В её мыслях. В её крови. В её дыхании. Он забирал её. И отдавал обратно. И она не знала, где кончается она и начинается он.

Он был как ночь, которая поглощает день. Как прилив, который смывает берег. Как смерть, которая обещает вечность. И Марина тонула в нём. Не пытаясь всплыть. Не пытаясь дышать.

А когда финал пришёл, он был похож на конец света. Волна наслаждения накрыла её с головой. Унося прочь все её страхи. Сомнения. Обыденность. Серое небо. Ржавые батареи. Потерянный голос мамы. Она почувствовала, как её душа разрывается на части и собирается заново. Но уже другой. Изменённой. Его.

Они лежали на шёлке. Оба мокрые. Тяжело дышащие. Звёзды над ними медленно гасли, уступая место предрассветной серости. Океан шумел где-то рядом, и в его шуме не было ничего угрожающего. Только ровный глубокий ритм, как дыхание спящего.

Утром она проснулась оттого, что солнце светило ей в лицо. Не то серое зимнее солнце, что пробивается сквозь метель. А яркое. Золотое. Тёплое. Такое, какого не бывает в декабре.

Марина открыла глаза и увидела над собой небо. Глубокое, синее. Без единого облака. А где-то рядом шумел океан. Она лежала на берегу океана. В красивом бархатном шатре, стены которого колыхались от ветра.

Он сидел неподалёку на большом плоском камне у самой воды. Без фрака. Без цилиндра. В одной белой рубашке с закатанными рукавами. Босиком. В руках у него была гроздь винограда. Тёмного, почти чёрного. И он задумчиво отрывал от неё ягоды, глядя на океан.

Марина смотрела на него и не могла наглядеться. При дневном свете он казался другим. Менее мрачным. Менее чужим. Почти обычным мужчиной. Только очень красивым. И очень бледным. Будто кровь не течёт в его венах, а стоит густая и тёмная.

— Ты долго спишь, — сказал он не оборачиваясь. Голос был тихим. Сонным.

— А ты долго не будишь, — ответила она. И удивилась своему голосу. Он звучал спокойно. Уверенно.

Он обернулся. Улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у неё всегда перехватывало дыхание. И протянул ей виноград.

— Пойдём. Я покажу тебе что здесь есть.

День был долгим и ленивым. Как лето в детстве. Как те дни, когда не нужно никуда идти. Ни о чем думать. Ни за что отвечать.

Они шли вдоль берега. И песок под ногами был мягким, как мука. Как пудра. Он показывал ей цветы, которые росли прямо из песка. Крупные. С лепестками, светящимися изнутри, как маленькие луны. Свет был мягким, пульсирующим. Показывал птиц с длинными хвостами, которые сидели на пальмах и смотрели на них. Не боясь. Не улетая. Показывал камни, в которых были вкраплены кристаллы. И если посмотреть на них под определённым углом, они вспыхивали всеми цветами радуги. Играли. Жили.

Они купались в океане. Вода была тёплой, как парное молоко. И такой прозрачной, что видно было каждую песчинку на дне. Каждую ракушку. Каждую тень. Марина плавала. Ныряла. Смеялась. Брызгалась. И он был рядом. Не отставал ни на шаг. Но и не мешал. Не контролировал. Иногда его холодные пальцы касались её лодыжки под водой. И она вздраги-

вала. Оборачивалась. А он смотрел на неё с той самой нежностью. От которой у неё замирало сердце. От которой хотелось плакать.

Потом они лежали на песке. Мокрые. Счастливые. И он рассказывал ей о звёздах. Не о тех, что видны ночью. А о тех, что были раньше. До того как всё началось. До того как он упал. О том, как он зажигал их вместе с Отцом. Как они спорили о том, где какая должна стоять. Как он придумывал имена. Которых никто, кроме него, не помнит. Имена, которые звучали как музыка. Как заклинание.

— А ты помнишь, как назвал вон ту? — спросила Марина, показывая на яркую точку. Которая загоралась первой. Хотя было ещё светло.

Он посмотрел, куда она показывала. И улыбнулся. — Помню. Но это имя слишком длинное. Ты не выговоришь.

— А ты попробуй.

Он произнёс что-то гортанное. С множеством согласных. Звук был странным. Древним. Он звучал как заклинание. Как шум ветра в пещере. Марина попробовала повторить. И запуталась на третьем слоге. Язык не слушался. Он засмеялся. Тихо. Беззвучно. Как смеются люди, разучившиеся смеяться. Люди, которым больно смеяться. И она засмеялась вместе с ним.

Потом они ели. Он принёс фрукты, которых она никогда не видела. Одни были похожи на манго. Но с вкусом мёда. Густого. Тягучего. Другие — на маленькие звёзды. Кисло-сладкие. Тающие во рту. Как снег. И вино. Тёмное. Густое. С ароматом чего-то древнего. Чего она не могла назвать. Запахом старой библиотеки. Запахом времени. Они пили его из хрустальных бокалов. Которые он доставал из воздуха. Из пустоты. И Марина чувствовала, как тепло разливается по телу. Не от вина. А от того, что он рядом.

К вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, они сидели на песке. Глядя на закат. Который здесь, в его мире, был особенно долгим и особенно золотым. Небо горело. Оранжевым. Багровым. Фиолетовым..

— Ты счастлива? — спросил он.

Марина подумала. Она думала о Кате. О больнице. О метели за окном общежития. Обо всём, что осталось там. В другом мире. В том мире, который казался ей теперь плоским. Нарисованным. И поняла, что не скучает. Что ей не хватает там воздуха.

— Да, — сказала она. — Счастлива.

Он взял её руку. И поднёс к губам. Поцеловал каждый палец. Медленно. Нежно. Как будто это было самое важное. Самое священное. Что он когда-либо делал. — Я хочу, чтобы ты осталась еще на один день, — сказал он.

Марина посмотрела на него. На его бледное лицо. На его тёмные глаза, в которых отражалось золотое небо. И поняла, что не хочет уходить. Что не может вернуться туда. В серость. В пустоту.

— Я останусь, — сказала она.

Он улыбнулся. И притянул её к себе. Обнял крепко. Но не так, как будто боялся, что она исчезнет. А так, как обнимают того, кто рядом. Кто свой. Просто потому, что хочется.

— Я хочу, чтобы ты запомнила этот день, — сказал он тихо. — Не как обещание. Как подарок. Чтобы ты знала, что бывает и так. Что бывает счастье. Настоящее. Не нарисованное.

Марина закрыла глаза. И подумала, что, наверное, это и есть счастье. Не когда тебе обещают вечность. А когда тебе говорят: «Останься». И ты знаешь, что можешь остаться.

Ночь они встретили на том же ложе из шёлка и бархата. Над ними зажглись звёзды. Те самые, которые он когда-то создавал. Которые носили его имена. Марина лежала, положив голову ему на грудь. Слушала, как бьётся его сердце. Медленно. Глубоко. Как удары колокола в пустом соборе. Как ритм прилива.

Он гладил её по волосам. И от его прикосновений по телу разливалось тепло. Она не знала, что будет дальше. Не знала, как долго это продлится. Знает ли он сам. Но сейчас, в этот

момент ей было хорошо. Так, как не было никогда в жизни. Так, как бывает только во сне. Или перед смертью.

— Расскажи мне ещё что-нибудь, — попросила она. — О твоём мире.

И он рассказывал. О городах, которые он видел. О морях, которые он переплывал. О временах, которые он помнил. Она слушала его голос. Низкий. Бархатный. С хрипотцой. И постепенно засыпала. Убаюканная его словами. Его теплом. Его присутствием.

А когда она уже почти спала. Когда граница между сном и реальностью стала тонкой, как паутина. Он прошептал ей в волосы что-то. На том самом языке. Которого она не понимала. Языке, на котором говорили звёзды. Но по его голосу она поняла: это было что-то очень важное. Что-то, что он говорил нечасто. Что-то, что он берег.

И она уснула. Чувствуя себя самой счастливой женщиной на свете. И самой одинокой. Потому что знала: это счастье краденое.

Глава шестая.

Свидетель Вечности

Утро в его мире наступало медленно, лениво, как кот, потягивающийся на солнце. Но Люцифер проснулся раньше. Марина открыла глаза и увидела, что он уже стоит у кромки воды. На нём не было фрака. Только белая рубашка, рукава которой были закатаны до локтей, обнажая бледные тонкие руки. Он смотрел на океан, и в его позе было что-то напряжённое, словно он прислушивался к звукам, которых не слышала она.

— Пора — сказал он не оборачиваясь. Голос был тихим но в нём звенела сталь.

— Куда? — спросила Марина, садясь на постели. Шёлк соскользнул с плеч, и ей стало зябко, хотя воздух был тёплым.

— Ты знаешь кто я — ответил он.

— Ты знаешь что ты носишь в себе. Но ты не знаешь почему всё случилось именно так. Сегодня ты увидишь не меня. Ты увидишь мир который Он создал. И мир который создали вы.

Он подошёл к ней и протянул руку. На этот раз его пальцы были не просто холодными. Они были ледяными.

— Идём.

Марина вложила ладонь в его. И золотой рай исчез.

Лондон ударил в лицо не светом, а вонью. Марина задохнулась. Воздух был густым, жёлтым, вязким, как кисель. В нём тонули фонари, дома, люди. Под ногами хлюпала грязь, смешанная с чем-то тёмным и липким. Пахло углём, сырой шерстью, конским навозом и чем-то ещё сладковатым, тошнотворным, похожим на запах мяса, которое долго лежало на жаре.

— Где мы? — прошептала она, кутаясь в своё лёгкое платье, которое он мгновенно превратил в тяжёлое пальто с меховым воротником. Холод пробирал до костей, пронизывая ткань, словно её и не было.

— Лондон — ответил Люцифер поправляя цилиндр.

— Конец восемнадцатого века. Город, который ещё не знает электричества, но уже прекрасно знает, что такое тьма.

Они стояли на узкой кривой улице. Вокруг них, толкаясь и ругаясь, двигалась огромная возбуждённая толпа. Люди кричали, размахивали кулаками, их лица в свете факелов казались искажёнными, почти звериными. Женщины с распущенными волосами, мужчины в грязных рубахах, дети, которых несли на плечах, все они куда-то шли, и в их глазах горел один и тот же огонь. Не страх. Не жалость. Голод.

— Куда они идут? — спросила Марина, чувствуя, как по спине пробегает холод. Этот холод был не от ветра. От того, что она видела в этих лицах.

— На казнь, — спокойно произнёс Люцифер.

— Повесить вора. Или убийцу. Им всё равно. Им просто нужно зрелище. Нужно почувствовать себя живыми через чужую смерть.

Толпа вынесла их на огромную площадь. В центре возвышалась деревянная виселица, грубая, сколоченная из почерневших досок, мокрых от дождя. Под ней на коленях стоял человек в грязной рубахе. Палач в чёрном капюшоне уже готовил верёвку, проверяя узел длинными узловатыми пальцами.

Марина смотрела на лица вокруг. Она искала в них жалость. Страх. Хоть каплю сочувствия к умирающему. Ведь это же человек. Такой же, как её отец. Такой же, как студенты в её группе. Но не находила ничего.

Женщина рядом с ней, прижимая к груди ребёнка, с улыбкой показывала ему на петлю. Мальчишка лет десяти с лицом, перепачканным сажей, продавал пирожки и бойко торговал, потому что зеваки хотели есть, ожидая шоу. Кто-то смеялся. Кто-то спорил о том, сколько времени провисит осуждённый, прежде чем задохнётся.

Люцифер стоял неподвижно, как статуя. Его тёмные глаза скользили по толпе с выражением бесконечной ледяной брезгливости. Не ненависти. Именно брезгливости. Как врач, который видит гнойную рану и знает, что её уже не спасти.

— Видишь их, Марина? — тихо произнёс он, не поворачивая головы.

Люди называют меня источником зла. Они пишут книги о том, как я искушаю их. Как я шепчу им в уши дурные мысли. Но посмотри на них внимательно. Я не заставлял эту женщину улыбаться. Я не вкладывал эту ярость в их глаза.

Он медленно перевёл взгляд на неё, и в его глазах мелькнула горечь.

— Это не я придумал ад, моя девочка. Это вы построили его здесь, на земле. Я лишь наблюдаю.

Марина почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она отвела взгляд от виселицы и спрятала лицо в его лацкане. Он обнял её, закрывая собой от грязной кричащей толпы.

— Уведи меня, — прошептала она. — Пожалуйста.

Воздух снова дрогнул. Крики толпы оборвались, сменившись гулом ветра.

Когда Марина открыла глаза, они стояли на высокой каменной крыше. Где-то глубоко внизу сквозь толщу густого молочно-белого тумана доносился глухой звериный гул той самой толпы, жаждущей крови.

Люцифер стоял в стороне, глядя в бездну. Ветер трепал полы его фрака. С этого расстояния он казался не человеком, а древним одиноким божеством, застывшим над миром.

— Слышишь? — тихо произнёс он, не оборачиваясь.

— Это звук их настоящей природы. Свободы убивать друг друга ради развлечения..

Марина медленно подошла к нему и встала рядом. Её ноги дрожали.

— Зачем ты продолжаешь? — спросила она тихо.

— Если ты видишь их такими... зачем ты вообще связался со мной? Зачем ты выбрал именно меня если во мне тоже есть этот осколок человеческой грязи?

Люцифер замер. Он медленно повернулся к ней, и в лунном свете его лицо казалось высеченным из мрамора.

— Потому что я хочу доказать Ему, — сказал он, и в его голосе зазвенела сталь, — что они недостойны Его любви. Каждый раз, когда я искушаю человека, каждый раз, когда вы поддаётесь греху... Я как бы говорю Ему: «Видишь, Отец? Я же предупреждал Тебя. Они грязь. Смотри, как легко я заставляю их падать».

Он наклонился к её уху и его дыхание обожгло кожу.

— Я — цена вашего Света, Марина. Не потому что Он так захотел. А потому что я отказываюсь признать, что вы достойны Его без меня.

И в этот момент Марина увидела в его глазах то, чего никогда не видела раньше. Страх. Не перед ней. Не перед толпой. Перед Тем, кого он называл Отцом. И этот страх был таким глубоким, что у неё сжалось сердце.

— А теперь, моя девочка, — произнёс он, беря её за руку, — я покажу тебе другую сторону этой медали.

Мир снова поплыл. На этот раз воздух стал сухим и горячим, как дыхание пустыни. Марина открыла глаза и увидела перед собой пирамиды. Но не те, что на открытках, обветренные, с туристами и верблюдами. А другие. Белые, сияющие, только что построенные. Они стояли на горизонте, как три огромных кристалла, и солнце играло на их гранях.

Было раннее утро. Небо на востоке только начинало розоветь. Песок под ногами был холодным, но воздух уже прогревался.

— Это Египет, — сказал он. — Таким он был до того, как его занесли песком. До того, как сюда пришли туристы и грабители. До того, как всё это стало прахом.

Марина смотрела на пирамиды и не могла наглядеться. Они были прекрасны. И в этом утре, в этом рассвете, в этой тишине было что-то такое древнее и спокойное, что она почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

Люцифер стоял рядом, и в его лице не было той насмешки, не было той горечи, что в Лондоне. Он смотрел на пирамиды так, как смотрят на что-то, что было дорого когда-то давно.

— Я хотел, чтобы они были свободны, — сказал он тихо.

Люди. Когда они только появились, я думал, что они будут лучше, чем ангелы. Они были слабыми, но в них было что-то... настоящее. Они смеялись, они плакали, они любили. Они были живыми. А потом... потом они начали строить эти пирамиды. И я понял, что свобода — это не то, что я могу им дать. Это то, что они должны выбрать сами.

Он повернулся к ней.

— Они выбрали рабство. Они выбрали золото и страх. И я не могу их спасти. Я могу только искушать их, чтобы они поняли, что они не достойны того, что им дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.